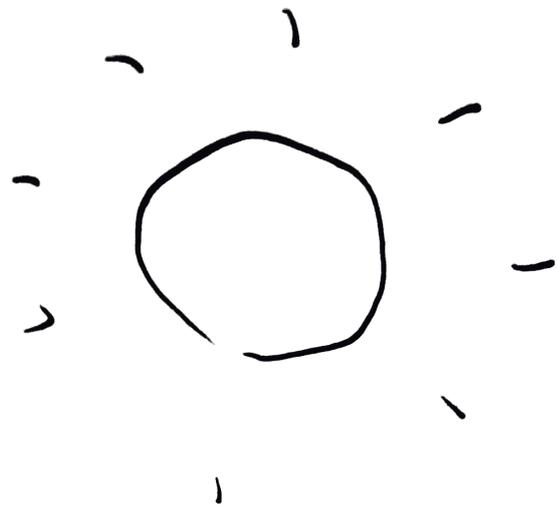
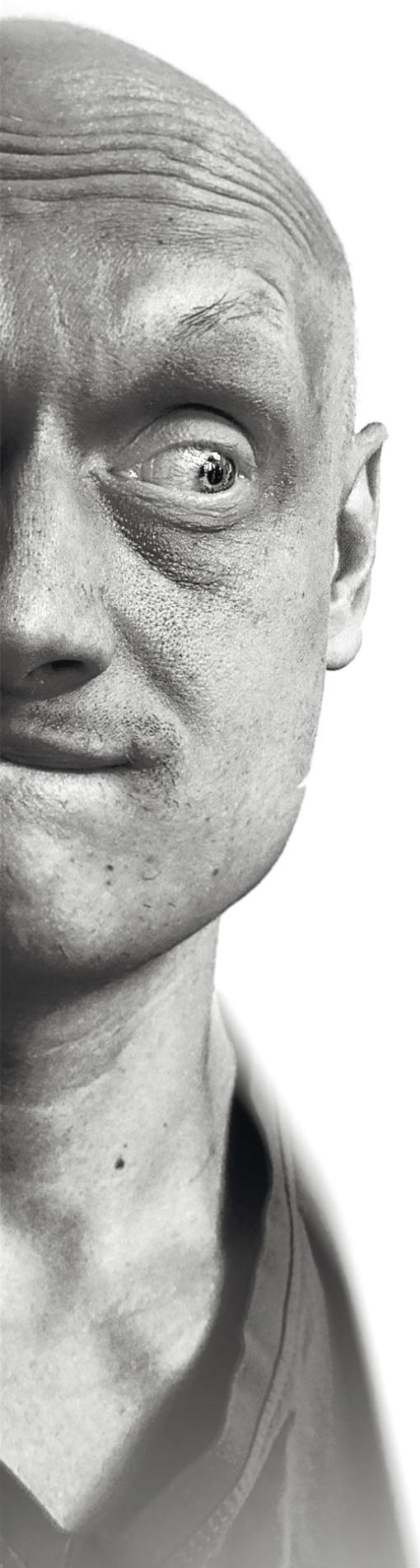

Алексей Москинов's

СОЛНЦЕ ЕСТЬ

Если хочется финансово поддержать автора
(то есть меня) – ни в коем случае не отказывайте себе
в этом желании.

Нереализованные желания рожают комплексы.

Никакого особого «откровения» в этом всём
написанном нет, это просто буквы и просто картинки.
Где-то забавные, в чём-то нелепые. Никаких целей это
всё «творчество» не преследует.

Тем не менее, если копируете себе (а вдруг?) – не
забывайте проставить ссылку на автора. Ему (то есть
мне) с этого будет приятно.

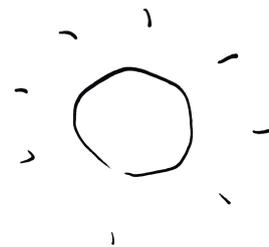
Спасибо.

<http://moskinov.ru>

<https://www.facebook.com/cybervantuz>

<https://vk.com/cybervantuz>

3	МОКРЫЕ НОГИ
5	ПРО ПЛОХИХ ХОРОШИХ
6	ПРО МАШИНУ ВРЕМЕНИ
7	ПРО САМОПОЗНАНИЕ
9	ПРО ЗК (ЗОНУ КОМФОРТА)
10	ПРО ТОКСИЧНОСТЬ
11	ПРО ЗАЧЕМНОСТЬ
12	ПРО ПРОАКТИВНОСТЬ
13	ДЕД
15	ДОМ СНА
17	СПОНТАННЫЙ ДОВЛАТОВ
18	ТУМБАЛЯНЕЙЖА
20	ВСЕ БРАТЬЯ-СЁСТРЫ
22	ПРОСТО КОСМОС
25	БУДУЩЕЕ ПРЕКРАСНО
27	ЗОЖ
28	МИРОЗДАНИЕ
29	СУТЬ ВЕЩЕЙ
30	ТАК ГОВОРИЛ
32	ЧЕЛОВЕЧЕК
33	ЛЮДОЕД
35	ДЕТСТВО
37	ПОПУЛЯРНОСТЬ
39	ТЫ ЗА КОГО?
40	ЗАГОВОР
42	НЕ КИСНИ, БРО
44	АРТ
46	ДЖАЗ

Один раз такое было. Шёл мужик вечером домой, увидел – туман возле леса. Но не такой туман, что не поймешь – где начало, где конец. Станный. Густой, как сметана. И видно, что вот тут тумана ещё нет, а дальше – есть.

– Станный туман, – сказал себе мужик, достал из чемодана кастрюлю, зачерпнул немного тумана и домой понёс.

Дома в холодильник поставил.

Ночью слышит – зовёт кто-то.

– Эээй! Ау! Ау!

Из холодильника зовёт.

Мужик всполошился. Спрашивает:

– Кто тут?!

А ему:

– Ау! Ау! Помогите!

Открыл мужик холодильник, достал кастрюлю, крышку снял, а в кастрюле махонький огонёк блуждает.

– Ау! Дяденька! Ты тут? Отзовись! Помоги!

Пошарил мужик рукой по кастрюле – нет ничего. А огонёк ходит.

– Кто тут? Кто ты?

– Здесь туман. Не видно ничего. Куда идти, подскажи!

– А куда выйти-то надо?

– Куда-нибудь! Из тумана! Здесь холодно и не видно ничего!

Помоги, пожалуйста!

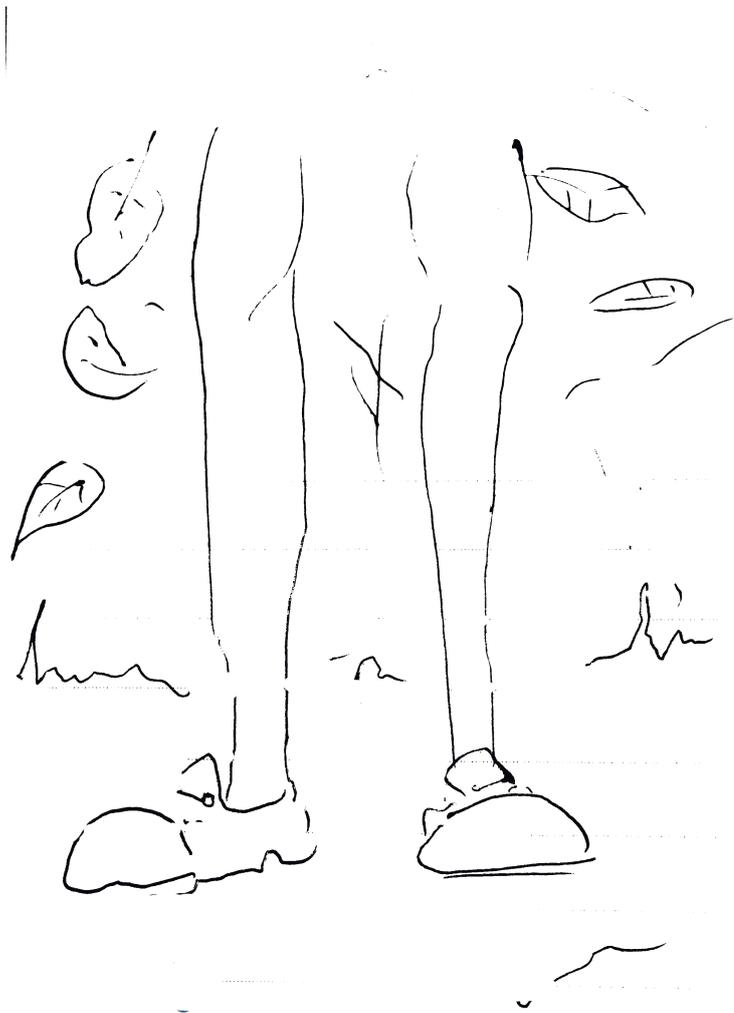
– На голос иди. Я буду говорить, а ты иди, хорошо?

– Хорошо, ты только говори, а то холодно, темнеет и ноги очень промокли.

Всю ночь мужик проговорил – просто говорил, до ста считал, про работу рассказывал, про то, как самолёттик клеил, стихи говорил, которые помнил. Песни. Пересказ рассказа из внеклассного чтения. Все слова, что были, говорил. А в кастрюле огонёк блуждал.

Под утро заснул мужик. Проснулся – тумана нет.

Побежал тогда к лесу, ходил, звал – не откликается никто. Стал узнавать – не пропал ли кто вчера, а ему отвечают, что вчера – нет, а триста лет назад случай был. С тех пор ручей, что через лес течёт, Волчьим ручьем называется.

Один раз такой случай был: пришли плохие люди к хорошим, а все хорошие уже шнурки завязывают, куртки застёгивают, вторую перчатку ищут.

И плохие, такие, хорошим: Куда это вы все собрались?

А хорошие им: Да пойдём мы уж. И так засиделись.

А плохие: Схреналь?

А хорошие было хотели плохих в жопу послать, да не стали – во-первых, отвлекаться нельзя, надо лишнее из карманов выложить (туда, куда они собрались, с карманами не берут), да и просто хорошие они, не могут в жопу послать. Ну никак, даже в мыслях. Промолчали. Только в дорогу стали сумки брать. Ну, бормотать ещё, что вернутся потом.

А плохие им: Э-эй! Куда? А ну, назад! Куда пошли?

А хорошие: Да просто пойдём. Ну сколько можно-то, а? А вы уж тут сами как-нибудь.

А плохие, такие: Не-не-не, так не годится! Если вы, хорошие, все уйдёте, то мы-то, плохие, как?

А хорошие им: А чо мы?

А те: А ничо! Вот вы есть, мы смотрим на вас, завидуем, комплексуем и через это злую свою силу наращиваем. А если вас, хороших, всех не будет – как нам-то дальше жить? Вы хоть и хорошие, а думаете только о себе! Нам-то, плохим, каково?

Вы только про свой хороший эгоизм думаете, а на наш плохой вам вообще наплевать.

И обиделись плохие.

А хорошие тогда встали в коридоре. Подумали.

Часть вещи отложили, разделись и дальше пошли всё вот это вот окружающее терпеть.

А другая часть ушла.

Только слышно было, как они, молча переговариваясь, за горизонтом скрылись.

Бывает, выйдет кто из хороших в коридор, а там пусто. Оглянется – а сзади свет, вилками и тарелками стучат, шум дурной. Счастливы все. Ну, соберётся, шапку наденет, выложит всё из карманов, да уйдет дверь закрыв.

Аккуратно, не хлопая.

Чтоб опять не набежали.

Что людей отвлекать от терпения. Они же и не плохие вовсе, просто так сложилось.

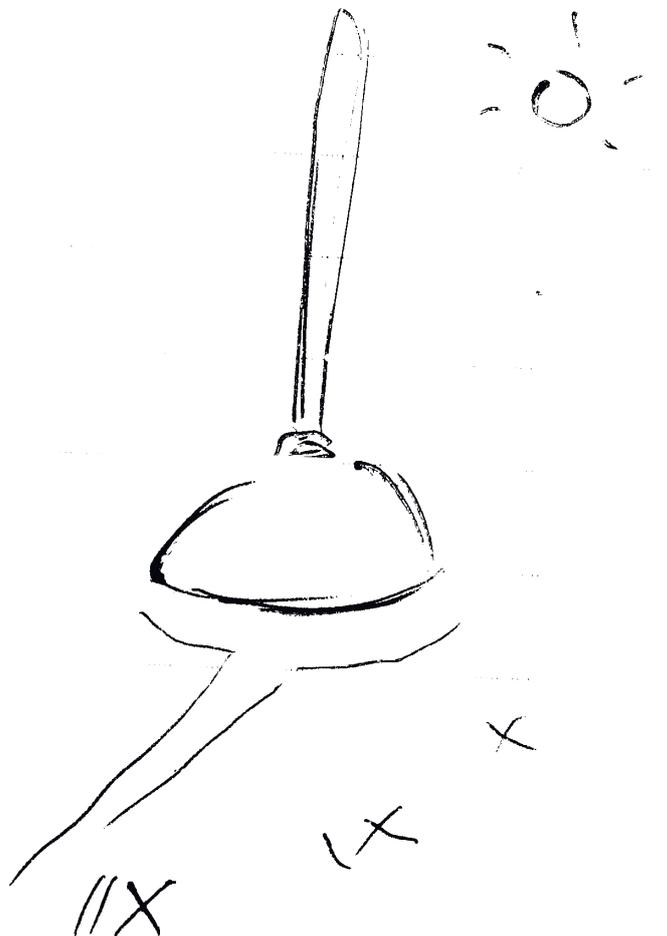
ПРО МАШИНУ ВРЕМЕНИ

Один раз такой случай был. Один учёный Василий утверждал, что путешествия во времени невозможны. Но потом резко понял, что... а вот и хрен там - возможны, да ещё как!

Для этого достаточно эксперимент провести - в окно выглянуть. Прошое, как есть прошое!

Разуверился тогда Василий в науке и пошёл в сантехники.

В сантехниках каждое утро - настоящее.

ПРО САМОПОЗНАНИЕ

Раз такой случай был, что мужик один ходил, да всех друзей, родных да знакомых расспрашивал: "Ты знаешь меня?".

А те отвечали: "Конечно знаю!".

А он им: "Тогда расскажи мне, кто я?".

И друзья, и знакомые, и близкие такие после этого смутились, бормотали что-то, ссылались на дела неотложные и убегали прочь. И больше не разговаривали никогда. А если им позвонить – то и телефон не брали. Даже в интернете молчали. И на другую сторону улицы вообще переходили, если на улице подождать.

То ли обознался мужик, и не друзья, близкие и знакомые они все были ему, а так, прохожие случайные.

А может знали они что-то такое, что рассказывать ему нельзя.

Жалели его, может – бывает и такое. Мир же – он какой? Он сплошь добрыми людьми наполнен.

Не говорили. Не рассказывали.

Даже когда собирались салатов поест и вспомнить не чокаясь – молчали больше. Тоже без уточнений.

Короче, мужик так и не узнал, кто он.

Один раз такой случай был, что человек с дурацким именем Игнат проснулся ночью от стойкого ощущения, что в его жизни чего-то не хватает. И не как в дурацкой песне пелось – не хватает белых грибов зимой, сугробов летом, днём лунного света или просто ремня по заднице.

Думал-думал и понял! Вот у всех есть по вопросу мнение.

По любому вопросу полубасу мнение есть.

Четкое.

Сформулированное.

Выверенное, как пресс-релиз для кота.

Не терпящее возражений, как бриф креативного директора атомной подводной лодки.

Постоянное, как ассортимент макарон в подвальном магазине.

Непоколебимое, как враньё в газете.

Настоящее, как лошадь в зоопарке.

Мне-ни-е.

И его можно высказать, обнародовать и донести.

У всех мнение есть, а у него, человека с дурацким именем Игнат, нету.

Но так же не может быть! Вспомнил-вспоминал он тогда и вспомнил, что ещё когда в школу ходил, в деревне ещё, приснился ему странный сон, как от него убегает маленький уродец-гном и волочёт за собой в мешке что-то выверенное, непоколебимое, настоящее и не терпящее возражений.

До утра проворочался человек с дурацким именем Игнат, а утром встал – в деревню поехал. Дом нашёл, порушенный уже, печь обвалилась, стена в огород упала, лопухи из пола растут, солнце сквозь доски потолка пробивается, бурьян, крапива да мухи. Комнату свою нашёл, да и как её не найти – одна комната на всех была, вот как раз где печь рассыпалась. Оторвал плитус – смотрит, а там лаз в стене. Стал тогда человек с дурацким именем Игнат бить стену, да и проломал в ней дыру, а за дырой – потайная комнатка там была, в паутине вся. Сидит в углу той комнатки сухой сгорбленный скелет карлика, а подле него истлевший мешок. Глянул внутрь – да, так и есть, лежит там мнение. Примерил его – подошло.

Пнул тогда Игнат скелет уродца-карлика сапогом, нацепил мнение и стал как все.

Спать стал хорошо. Кушать хорошо. И всё у него стало хорошо.

Его даже женщина-зубной врач полюбила ненадолго.

На мешке, правда, было написано, что то не его мнение, а какого-то "человека с идиотским именем Прохор", ну да кто разбираться будет?

Главное, чтоб было. Мненье-то.

Один раз такой случай был. В одном городе люди стали вышедшими из зоны комфорта лучшими версиями себя, не боящимися вызовов сегодняшнего дня лидерами и победителями во всём. Причем, не просто победителями, а предвосхищающими победителями, которые на шаг впереди.

Которые все всех уже пять минут как.

Талантливыми. Творческими. Проактивными, но с глубокой экспертизой.

Вот такими победителями.

Представляете! Куда ни плюнь, на кого ни посмотри – победитель!

Город оцепили, поставили вокруг колючей проволоки часовых с винтовками Мосина, да в ушанках со звёздами. Стали разбираться. Ведь если каждый – победитель, то они же где-то победить были должны, а как победить, если проигравших нет?

Не, ну была версия, что мож они как в детском саду победители – кашу съел и сразу космонавт, мимо горшка не покакал – лидер. Счётные палочки смог в коробку убрать – трендсеттер. Но вслух эту версию не озвучили, больно уж бредовая. Вместо этого город разбомбили к хренам и закатали в бетон от греха.

Так и не ясно, что там было такое с лидерами-то.

Один раз такой случай был: в секретной химической лаборатории авария произошла. Газовый выброс. И не такой, что просто какахой на три километра вокруг воняет, а как есть — нейротоксин! Особо опасный. Кроме того, что люди без приказа и распоряжения чувствуют себя хорошо, так ещё и если нейротоксинопотравленного спросить "ну, как дела? что нового?", то он начинает думать, что это искренний вопрос. Что действительно интересно, как у него чего. И рассказывать начинает. Обстоятельно. Всем уже скучно сто раз, уже дела горят, время поджимает — а этот всё рассказывает и рассказывает. Вместо того, чтобы губы растянуть, кивнуть и сказать "отлично".

РАССКАЗЫВАТЬ НАЧИНАЕТ, ПОНИМАЕШЬ?!!

Отвратительно!!!

Поставили тогда вентиляторы огромные и сдули всё за границу. А чо — пусть они там своей искренностью хоть подавятся поперёк. Тьфу на них!

А нам... нам нельзя. У нас хмурь, хмарь и снег.

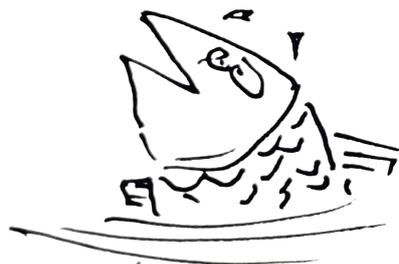
Внутри.

Традиции, мать их.

Иначе с говном сожрут. Или без. Но даже спрашивать не будут.

Кстати, как дела? Что нового?

У меня — отлично.

ПРО ЗАЧЕМНОСТЬ

Один раз такой случай был, что Андрей Степанович почувствовал, что ровно в 13 часов 27 минут он окончательно оступел и перестал понимать происходящее вокруг. Он перестал понимать зачем он. Не "зачем он задумался зачем он", а вообще – зачем. Такое зачем, на которое даже и отвечать не надо. Просто постоять рядом, помолчать, по плечу похлопать.

Такое "зачем". И через отсутствие цели пришло к нему осознание оступения.

- Да не, всё нормально, - сказали ему родственники.
- Ничего не поменялось, - сказали друзья.
- Всегда таким был, потому от тебя и ушла - сказала жена.
- Зато у тебя есть определенные перспективы, - сказали коллеги.
- Мяу, - сказал кот.
- На следующей выходите? - сказали в автобусе.

Андрей Степанович лежал под одеялом, шевелил ногой и думал о бескрайнем космосе, о далеких планетах, до которых ему не добраться никогда-никогда, о непрочитанных книгах, о местах, что он не видел. О том, что никогда не сделает. Про время сейчас и время через секунду после того, как время перестанет течь через него думал Андрей Степанович. А потом взял носовой платок, высморкался и как-то ему через это полегчало.

Но вообще – оступел, конечно, оступел.

ПРО ПРОАКТИВНОСТЬ

Раз такой случай был: мужику одному сказали что в мире очень много светлого и хорошего, и что не надо видеть один негатив. Так и сказали: "Перестань, тварь, негатив видеть! Ещё раз, мразь такая, увидим, что негатив видишь - хана тебе, гадина! Понял? Шёл отседа!"

Даже добро и благость бывают проактивными.

Один раз случай был. Увидел маленький мальчик радугу и говорит седому деду своему: "Дед, а что там с другой стороны радуги?"

А дед посмотрел на него мокрыми морщинистыми глазами и отвечает: "Радуга у каждого своя".

- Дед, а ты видел что там?

- Пойдем в дом, поздно уже. Да и ветер.

Мальчик дождался, как ещё радуга будет, и пошел к ней. Когда дождя не было - останавливался, когда был - бежал. Догнать пытался.

- Дед, а ты видел что там с той стороны радуги, спросил у него малыш.

- Пойдем в дом, поздно уже. Да и ветер.

А что ещё ответишь? Чёрно-белая она с другой стороны. Радуга-то. Фанера. Ободранная чуток. В углу нассано. Гвозди из досок торчат. Но пару подпорок и еще десяток гвоздей забить можно.

Чтоб держалась.

Красивая она, когда дождь

ДОМ СНОВА

Один раз такой случай был. Встретилась Василию сумасшедшая старуха. Она трясла челюстью, хихикала мутными глазами и, тряся пальцем, шамкала: «Дом-беда, знаешь, есть такой дом-беда». А сама улыбается все шире и шире, пока улыбкой саму себя не поглотила.

Василий про то забыл почти сразу. А как-то по делам надо было поехать (то ли встреча какая, документы передать может, или заказ какой или ремонт). Короче дела все поделал в этом месте, ему говорят – выход сам найдёшь, а в стене дверь приоткрытая. Василий в неё и зашёл. И там место сразу другое, а дверь за спиной исчезла. И вязко так, пусто. И окна. Дело зимой было – но в окне осень. А в следующем – весна. А потом – зима. Потом – лето и весна. Много окон.

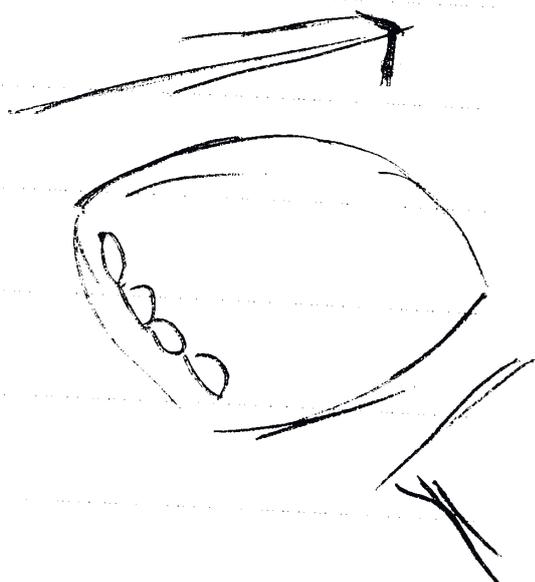
И окна, главное, такие – смотришь в них, а как в окно посмотрел – знаешь всё про всех, кто за окном. Куда идут, что делают. Кто они и зачем. Что дальше будет, а чего не будет никогда.

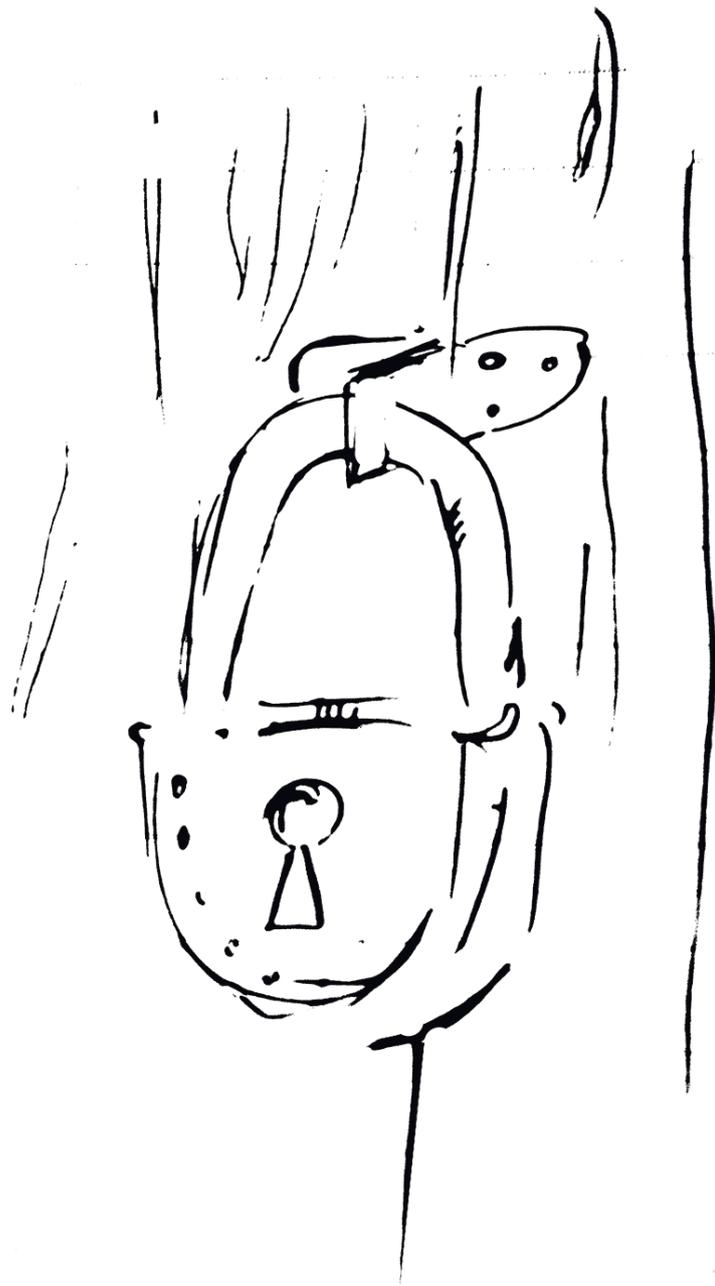
В итоге-то нашёл Василий выход. Вышел.

Звонит друзьям – а те его не помнят. Один только сказал, что был у него друг Василий. Давно. Лет 20 или 30 назад. Да пропал, никто не знает, как и куда.

И ходит Василий по городу. И всё про всех знает.

Вот такая хрень, ребятушки.

Один раз такой случай был. Пилоту стратегического бомбардировщика, склонного превращать всё в пыль, а если повезёт на складе — то и в радиоактивную, во сне явился Довлатов. Гипотетически, Довлатов может явиться к кому угодно — мы же прекрасно знаем, что сны они вообще хер знает откуда берутся. Но тут вот так получилось. Пилот. И Довлатов.

Казалось бы — сейчас мог бы интересный сон, как лететь и бомбу кидать, а тут — Довлатов завалился. Зануда небритая.

И он, главное, такой, входит в сон, ундервудом своим об приборную доску — фига. Двигатели отрубил. Лампочки погасил. Бомбардировщик в штопор, а Довлатович керосинку развёл. Чай, понимаешь, Серёжа поставил. Надо же двигатели заводить, штурвал на себя, а он, понимаешь, чай водкой разбавляет. И человечески-бородатым голосом говорит громогласной автоцитатой: "Вот все утверждают, что Сталин — плохой. А кто четыре миллиона доносов написал? А? Кто?! Кто, я вас спрашиваю?!!"

А пилот из сна, вот возьми, да переспроси: "Да! Кто?"

Но Довлатов из сна тоже не журавлем колодезным делан — подготовился. Достает толстую кипу бумаги из замыганного портфеля и говорит: "а давайте посмотрим..."

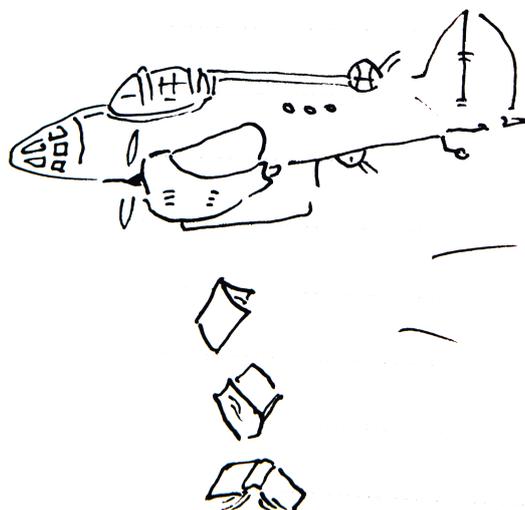
А сам поудобнее во сне садится. Устраивается.

Вот прикиньте, а? Потом весь сон! Весь-весь сон... каждую бумажку медленно вдумчиво вслух читал.

С выражением!

А потом утро наступило.

Хорошо, когда утро может наступить.

Один раз такой случай был – пришли бабы к вакцинных дел мастеру Никодиму и говорят ему человеческим голосом: сделай такую прививку, чтобы мужикам её поставить, а они через это забыли бы тайное знание наше, про которое мы проболтались, а они услужали.

– Это какое же тайное знание?

– Не скажем! А то какое же это будет тайное, если его вообще все знают. Так-то хоть ты не в курсе будешь, – бабы галдят.

– Знание, тайное от меня. Ясно-понятно. А забывать тогда его как, если я не знаю белков, тучных клеток и прочей ереси, которая антиген к знанию делает?

– А пусть всё забудут!

– И вас, баб, тоже? И водку?

– Нет, нас пусть не забывают. А водку – забудут.

– Этого никак не получится, – отвечает вакцинных дел мастер Никодим, – на Руси за баб и водку одни мембранные клеточные структуры отвечают.

– Ты уж придумай, Никодимушка, – шепчут ему бабы, – а мы тебе за это...

И такое Никодиму на ухо сказали, что и сказанного уже хватило бы, так они не только сказали, а ещё и сделали.

Короче, собрались с утра мужики. Бабы со скалками надзирают. Никодим им укол колет. Как уколет – мужик сразу Тумбальянейжу начинает петь.

– Чой-та они? – спрашивают бабы.

– Побочка такая, – отвечает Никодим, – если к завтраму на русский рок перейдут, то ко мне ведите, а тумбальянейжа через пару недель рассосётся. Или быстрее, если держать на диете из ласки и борща.

– Спасибо, Никодимище, что пустышку колешь! Спаситель, как есть спаситель.

– Слышь, а что за секрет?, – помявшись спрашивают мужики.

– Бабий-то? А, так это то, что все достижения мужиков в жизни только из-за ихних комплексов. Что, дескать, была у маленького мальчика строгая учительница и обижала его, а он вырос и теперь возводит плотины, летит в космос и водит по морю бригантину только для того, чтоб доказать ей, что он на самом деле хороший, а не вот то обидное, что она про него сказала. Типа, всё что ты достиг – это всё комплексы перед первой посторонней женщиной, которая двойку поставила в первом классе или в садике. От этого вся наука, культура, искусство, политика и прочий футбол. Короче – херь опять бабы придумали. Правда?

- А?

- Правда же, бабы херь придумали, да, Никодим?

- Херь-херь, - тихо подтвердил Никодим.

По деревне то там то тут доносилась Тумбалянейжа, а перед глазами Никодима стояла изысканная мадам Жоржетт. Жоржетта Игоревна. Классная руководительница, учительница французского, оставившая Никодю после уроков учить французские глаголы... или что там вместо глаголов у этих лягушатников? Вот это вот...

Не оставь она его тогда после уроков...

Солнце село. Начали зажигаться лампы в домах. Собаки подвывали поющим.

В воздухе отчетливо пахло борщом и нежностью.

Тумба ля нейжа

Ты невьерра пасис тва

Тумба ля нейжа

И мо хер садитесь два

Всё своё картэйжо

Ту доля мудлё же

Лазё силь ле брёнше

Плёва сортилежа...

Один раз такой случай был. Нео-хиппи Степан пошёл в народ рассказывать, что все люди – братья. А ему морду разбили.

Тогда он посидел, подумал, подлечился и снова пошёл в народ говорить, что все люди братья и сёстры. И ему опять разбили морду.

Тогда он посидел, подумал, подлечился и снова пошёл в народ говорить, что среди людей есть братья, есть сёстры, но мы все вместе. И ему опять разбили морду.

Тогда он посидел, подумал, подлечился и снова пошёл в народ говорить, что все братья – братья, все сёстры – сёстры, он ничего такого не имеет ввиду, но человек-человеку друг и товарищ, что нет стран и нет границ, а есть пропасть непонимания между людьми, а если мы её преодолеем – мы будем способны на всё.

– Стёп, ты не ходил бы, а? – сказала ему жена.

– Катюх, ну как я не пойду, если земля – прекрасный край, и если мы не будем стремиться к раю когда-то потом, а будем делать его здесь и сейчас, вместе, если каждый будет самим собой и будет осторожен беду принести – бескрайнее синее небо над головой будет, Катюх, и все люди будут всей землёй обладать!

– Шибанутый ты у меня, Стёпушка, – ласково подумала жена, да вслух не сказала, ибо женщина она была высокого морального принципа.

– Ну, я пойду, – сказал нео-хиппи Степан, сказал и пошёл.

И ему опять разбили морду.

Сидит нео-хиппи Степан, кручинится, нос одной рукой держит, а второй зубы покачать боится.

И летит мимо Добрая Фея.

– Что плачешь, Стёпа?

– Да как мне не плакать, Добрая Фея, – Степан отвечает, – чот разуверился я. Прихожу к людям, про добро говорю, а они морду бьют.

– Это от того всё, Стёпушка, что ты – выборка. Ты родился и не умер. Рос и не помер. Учился и читать научился, школа у тебя была. Жил не на улице, а в доме с крышей. Институт посещал. Не сторчался, не спился. Диплом получил, а не заточкой под ребро. Телевизор не слушал, библиотеку читал. У тебя, задница ты неблагодарная, библиотека была. Музыку мог слушать хорошую, а не по заявкам радиослушателей. Еду ел без глютена, а не без плесени. Работу головой нашёл, а не с утра и до ночи. За интернет смог заплатить. Хрени в нём какой-то понабрался. Думаешь, у каждого так? Нееееет.... Выборка ты, Стёп, не все такие. Сам убедись – пройди ночью, да погляди в окна пятиэтажек, на шкафы эти, на потолки желтые, на окна невымытые, на штукатурку десятки лет отслаивающуюся, на свои же подъезды самими же и засранные, на краску облупившуюся. Вот потому тебя, Стёпа, и не понимают. Страшно далёк ты.

– От народа?

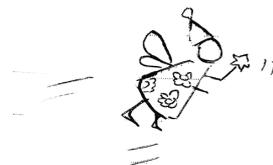
- Да вообще далёк, - сказала Добрая Фея и разбила Стёпе морду.

- За что?! - удивился нео-хиппи.

- Да хрен знает. Душила ты. Бесишь.

Сказала так Добрая Фея, да и дальше полетела. Дела делать. Добрые.

Потому что болтать про братство можно всякое, а добрые дела сами собой не сделаются.

- На Бали можно. А тут - совсем никак, никогда. Невозможно это, представляешь? Мы - тут. Они - там. И не добраться.

- Понимаю, - ответил инопланетянин, - тебя поразила мысль об ограниченности твоих возможностей.

Человек-Андрей кивнул.

- Сначала тебя дразнят огромным ярким миром, - продолжил инопланетянин, - потом ты его пробуешь изучать, потом выясняется, что у твоих возможностей есть пределы, и всё меньше и меньше мирок, в который ты можешь попасть, даже если мечтаешь об этом. Все мы ограничены, смертны и стоим в очереди к тайнам бытия. Именно поэтому, оформляя Выгода-карту сегодня, можно получить не только кэшбек, но и льготное обслуживание без очереди в отделе "Овощи". Ты же овощ?

- Я?

- Да все мы овощи. Растем, держимся корнями, роняем плоды. Я уже говорил про экстра-скидку на томаты по Выгода-карте?

- Не понимаешь ты нифига, вот чего... - огрызнулся Человек-Андрей и замолчал глядя в черное небо, засвеченное желтым.

Посидели. Помолчали.

Инопланетянин поёжился.

- Знаешь, ты это... не оформляй пока Выгода-карту. Через неделю промо-акция "звёздная кура гриль" будет. Так по ней кэшбек не 5, а 6.5%. Представляешь!

- Спасибо, - прошептал Человек-Андрей.

- Да что там... что я не понимаю что ли... я ж сам ракетным двигателям учился. Даже считал чего-то.

- Ну и как они?

- Двигатели-то? Прикольные... давно дело было - ответил инопланетянин и пошёл между фонарями дальше раздавать прохожим бесплатные купоны на шанс получить скидочные талоны.

- Эй! - окликнул его Человек-Андрей - ты правда инопланетянин?

- Я? Не, просто костюмы пиратов и микки-маусов разобрали. А нельзя Выгода-карту без костюма раздавать. Так начальство сказала. Знаешь, что у нашего начальства в голове?

- Что? - устало буркнул Человек-Андрей.

- Там ПРОСТО КОСМОС!

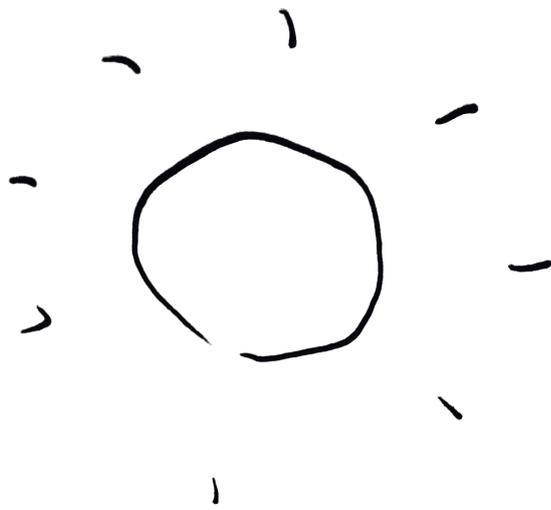
Сказал это инопланетянин и ушёл.

А над сугробами, хоть её и было плохо видно в городе, висела небесная твердь - черный занавес с прогрызанными дырками, об которую можно удариться, но за которую не попасть никогда.

Зрителей не пускают за кулисы. Что им там делать?

Зато по Выгода-карте сегодня скидка на рыбные консервы.

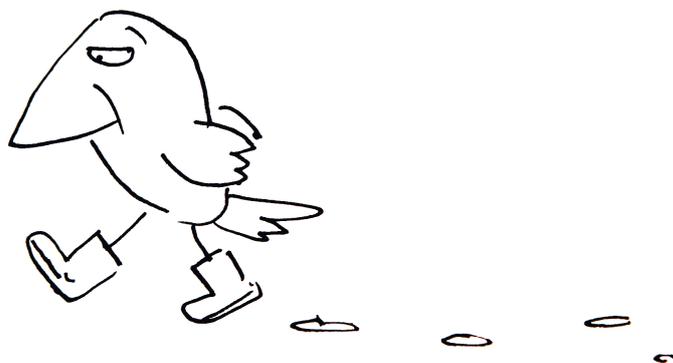
5 процентов, если неделю не ждать.

Один раз такой случай был – разбирая завалы бумаги на тех самых дачах, нашли старый желтый лист, принадлежащий перу. А на нём текст стихотворный и подпись, что это ни что иное, как песня, которая помогает строить и жить. И жить и строить тоже.

Посмотрели.

Записи нет, нот нет. Пробовали напеть, мелодию подобрать – как-то не ощутили резкой помощи в жизни. Да и текст слабоват – у любой вокальной девачковой группы он куда как интереснее. Хотя, тоже не помогает. Ни жить, ни строить, ни вообще. Обман какой-то. Или хитрый коммерческий ход.

Один раз дед Федор попал на фрегат пирата Волосатая Борода.

И вот, когда команда спала, а вахтенный держал курс на Тортугу, сидели они в капитанской каюте и разговаривали, да что разговаривали. – тёрли! Тёрли за здоровый образ жизни

– Я, – говорил капитан, – печень свою давно скормил акулам на Барбадосе, знаю, что пить мне нельзя. А куда деваться?

А дед Федор удивляется:

– Разве ром и попугай на плече не дань пиратскому имиджу?

– Тысяча гуппий! Что за ахинею ты несёшь?! Ты хоть знаешь, зачем пираты пьют? Потому что крепкий алкоголь, воздействуя на вестибулярный аппарат, повышает порог чувствительности. Море качает в одну сторону, а нас – в другую. Равновесие! Практически убирается морская болезнь. Мы, кровожадные пираты, рады бы перейти на питьевые йогурты, но у нас вся палуба будет в кусочках фруктов. Поэтому ром. Только ром. А попугай на плече – это чтоб занюхивать. Капитан должен заботиться о команде и экономить провиант.

– Во дела, – отвечает дед Федор, – то есть вы, пираты, пьете, чтобы не тошнило?

– В зад мне каракатицу-фантазерку, так и есть! – отвечал капитан Волосатая Борода, – а вы там у себя почему пьете?

– Выйдешь на улицу, глянешь окрест – тошно, тоскливо – хоть вой, а так вроде как и не очень, – отвечивал дед Федор.

– Выходит, что ты такой же пират как мы, тоже пьешь, чтоб не тошнило?! – воскликнул друг-Волосатая Борода, – а чего попугаем не занюхиваешь?

– Нет попугаев в наших широтах, только голуби. Я пробовал, но, поверь, голубем занюхивать – лучше уж новости первого канала смотреть.

– Ну, за ЗОЖ, – сказал Волосатая Борода.

Они стукнулись деревянными кружками и поплыли в Тортугу, где не было дебильных роликов, снятых идиотами для идиотов, где не было разумных, вроде, знакомых, искренне несущих адову ахинею, не было трусов, боящихся за давно украденное у них будущее, даже не задумываясь над происходящим, где не было всех этих новостей.

Они просто шли в Тортугу.

И плевать, что вахтенный включил на верхней палубе Диму Маликова. Пусть. Быстрее доплывем.

Один раз такой случай был. Собрался человек—Никодим помирать.

Лёг, значит, лежит.

Не помирается ему никак.

Носки чистые надел. Всё равно как-то не так всё. То задница чешется, то коленка. То под окнами пацаны бухие из магазина пошли. То назад вернулись за догонкой. То, вот уже почти совсем-совсем померлось — мотоцикл проехал, всё настроение перебил. То душно как-то. Окно открыл — зябко. В интернет залез поглядеть как у людей — у тех тоже самое. Письмо с работы пришло. Почитал, стал ответ писать, потом пригляделся — а это с позапрошлой работы, а прошлой и нынешней нету. И нос ещё свербит. И неудобно как-то. И луком пахнет. Что соседям в три часа ночи приспичило лук жарить? До холодильника дошёл — посмотрел, ничего нового там нет. Лёг Никодим, лежит, прислушивается. Ну, тут кольнёт, там булькнет, здесь дёрнет. Но всё как-то не то. Нету героизму. Просто всё слишком. И, блин, опять мотоцикл проехал.

Не помирается никак человеку—Никодиму.

Даже ещё раз сходил и кефиру выпил — всё равною.

Лежит. Чувствует — захрапел. Ну а если помирать решил, то храпеть — это совсем никуда не годится, это вообще против правил.

Так до утра и не помер.

Встал, убрал носки до следующего раза.

А улицу вышел, — на голову голубь насрал.

И ведь главное-то что? Лежишь весь такой, а он в это время жрёт зёрна и крошки, курлыкает, гадёныш, готовится.

Гнусная пернатая птица.

А может и не готовится. Может он так, экспромтом.

Мироздание — оно такое.

Оно повсюду.

ИЩЕ В СУТЬ

Один раз такой случай был.

Сидел человек-Василий на камне, смотрел перед собой и понимал, что задача научного мировоззрения состоит не в том, чтобы подумать разнообразно, а в том, чтобы осознать объективную реальность, и что как только объективная реальность будет окончательно и бесповоротно познана — разнообразие мнений сразу исчезнет.

Слышит — идёт человек-Николай.

— Сидишь? — спрашивает человек-Николай.

— Сажу.

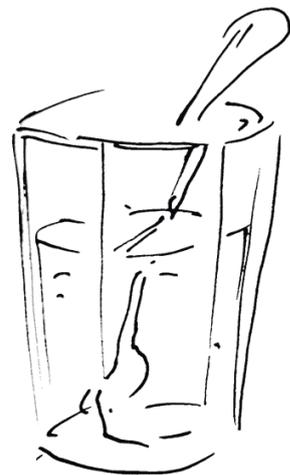
— А у нас там проблемы. Представляешь, мы с мужиками тоже как ты вот — сидели, говорили, мнения высказывали. И тут — бамц! Как отрезало. Все замолчали и сказать нечего. Пустота такая внутри — будто бы и мнения никакого не было.

— Это потому, человек-Николай, — отвечает человек-Василий, — что пока вы мнения высказывали, я до сути вещей докопался и объективную реальность познал. И теперь, видать, познана она. И не будет иначе уже.

Встал человек-Василий и пошёл вдаль.

И не было больше тайн, разночтений и мнений.

И тишина вокруг стояла. Опустошённая.

Николай стукнул кулаком по кухонному столу и изрёк:

- Всякий дракон порождает святого Георгия и гибнет от его руки.
Халиль Джебран.

Привыкшие уже дети на всякий случай юркнули собираться в школу.
Жена вопросительно посмотрела на Николая:

- Ну, что с тобой? Уже неделя прошла, а так и не отпускает?
Бедненький...

- Несчастный - тот, кто отвергнут от самого себя. Серен
Кьеркегор.

Неделю назад Николая ударило током в ванной, он отшатнулся и
долбанулся головой об шкаф. Совокупность этих двух событий
вызвало в нём странное изменение. Николай стал говорить
афоризмами.

- Велико лишь то, что долговечно, долговечно лишь то, что
справедливо. Джузеппе Феррари.

- Ты бы к доктору зашел, а? - прошептала жена в коридоре,
протягивая Николаю пакет, - вот, возьми, я тебе на работу еды
собрала...

- Не принимай благодеяний, без которых ты можешь обойтись.
Иммануил Кант, - сообщил Николай, и, подумав, добавил: Всякое
добро исходит от зла. Фридрих Ницше.

Забрав бутерброды и оставив плачущую жену дома, Николай шел по
улице. Он понимал, что с этим надо что-то делать, и был
полностью согласен с Жаком Тати: в комплексе неполноценности
хуже всего то, что обычно им страдают не те, кому следовало бы.
С другой стороны прав и старина Вольтер: бесконечно маленькие
люди имеют бесконечно великую гордость.

- На следующей выходишь?

- Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу. Конфуций.

- Какой кунг-фуций? Ты чо сказал, а?!

- Нетерпимость в малом разрушает великий замысел. Он же.

В коридоре травмпункта было пусто, холодно, гулко и плиточно...

- Следующий. Так, что тут у нас? За что это вас так?

- Я не верю в коллективную мудрость невежественных индивидуумов. Томас Карейль.

- Да, да, правда, - пробормотал доктор, - но стоит помнить, что желание высказаться почти всегда бывает сильнее, чем желание чему-нибудь научиться. Дмитрий Писарев.

- Высота сегодняшнего триумфа свидетельствует о глубине будущего падения. Яромир Судак.

- Ничто так не истощает, ничто так не способствует малодушию, как безумная надежда. Петр Чаадаев. Тем не менее - три раза в день за 20 минут до еды. Через месяц покажитесь.

День продолжался. На работе Николай мог спокойно цитировать Камю, Станислава Ежи Леца, Бернарда Шоу или Сухомлинского. Коллеги не обращали внимания на эту странность. Но это не страшно, ведь ещё Генри Торо говорил, что если вас демонстративно не замечают, значит вами всерьёз интересуются. А если нет? Если он ошибался? Если Фазиль Искандер более прав в своём изречении, что бывают времена, когда люди принимают коллективную вонь за единство духа? Если не замечают потому, что просто брезгуют?

Проклятое электричество. Проклятый шкаф.

Прохладный пузырьёк с лекарством предательски шуршал таблетками в кармане.

Когда Николай пришёл домой, жена уже спала. Он тихо разделся, лёг и обнял её.

- Спокойной ночи...

Она приоткрыла глаза и улыбнулась.

- Ты был у врача? Ну, Слава Богу, выздоровел... Подействовало лекарство.

- Спокойной ночи.

- Как нормальный теперь говоришь...

- Нет, дорогая. Так говорил Заратустра.

ЧЕЛОВЕЧЕК

Один раз такой случай был. Жил светлый добрый человечек, и когда он вставал, то вставало солнце. Когда ложился спать — солнце заходило. А когда его всё это по-доброму и по-светлому задолбало, и он решил помереть, то нашел другого человека, натренировал его как доброго светлого человечка, и уже тот стал ложиться и вставать, вызывая этим движение светил по небу.

Вы, главное, не рассказывайте ему про гравитацию и термоядерный синтез, а то он начнет просыпаться кое-как и Солнце работать перестанет.

В дверь нетерпеливо забарабанили ногами.

Дряхлый людоед в дырявых тапочках прошаркал в коридор.

- Кого нелёгкая принесла?

- Открывай, людоед! Это мы, люди!

На пороге действительно стояла толпа с факелами, вилами и кольями.

- Чем обязан?

- Людоед! Мы пришли...

- Вижу.

- Мы хотим...

- Знаю.

- Как это "знаю"? - удивилась толпа.

- Вы считаете меня виновным во всех страданиях и злоключениях. Но вот скажите, я что хуже Янека?

- Нет, нет, не хуже...

- Или кузнеца Богдана, что как выпьет всех палкой бьет? Или Влады, которая тухлый суп в колодец соседям вылила? Или Вацлав, что без штанов по селу бегал третьего дня? Я хуже Вацлава? Или я хуже любого вашего соседа, что только и мечтает, чтоб у вас корова сдохла? Отвечайте! Или я хуже Невзора, что пожилой Раде в кошелек жабу подложил, а та умерла с перепугу?

- Нет, не хуже...

- Но ты нас жрешь! - выкрикнул кто-то.

- Жру, - согласился людоед, - жру. Но делаю это исключительно ради заботы о вас. Какие песни поются! Какие фильмы снимаются! Как земля хорошеет! А не сожри я Звенимира, так бы на некрасивых телегах и ездили.

- Звенимир был хорошим человеком!

- Сухим он был человеком. И желчным очень. Уж поверьте мне, я в людях разбираюсь, - ответил людоед прислушиваясь к изгоге, - или вот, Любица, сидит-сидит-бубнит чего-то. Скольким из вас настроение портила? А испорченное настроение - залог упадка общества.

- Она помешалась, когда ты сожрал всю её семью!

- Вот не надо обобщений... всю, скажете тоже... там было-то всего... И вообще, надоели вы мне, уйду от вас, живите как хотите!

- Нет, нет, постой! - взмолилась толпа.
- А как вы хотите. Приперлись посреди ночи, вилами тычут, ересь несут какую-то... на костре б вас всех сжечь.
- Да как ты нас можешь, если ты всю инквизицию сожрал? - крикнули из толпы.
- Не сожрал инквизицию, а спас общество от средневековой дикости. Слава Людоеду. Кому слава?
- Людоеду...
- Кому?
- Людоеду.
- Не слышу!
- Слава Людоеду.
- Кому?
- СЛАВА ЛЮДОЕДУ!!!
- Вот то-то же. Хотели-то чего?
- Нельзя ли, господин людоед, есть нас не в два часа, а хотя бы в четыре? В два часа фигурное катание передают...
- В четыре - нельзя. Собьет режим. Но можно фигурное катание перенести на утро. Думаю, что согласуем с дирекцией телеканала.
- Какое фигурное катание! Утром бокс! - забурлила толпа.
- Совместим. Обсудим. Подумаем. Всё для вас. Всё для вас, дорогие мои!
- Спасибо!!!
- И приходите сегодня на открытие фонтана неписавшему мальчику, который терпит.
- Спасибо, господин людоед!
- Не за что, дорогие мои!.. а этот, который из толпы кричал, пусть к двум часам сегодня подойдёт.
- Довольная толпа пошла по домам.

Один раз такой случай был. Ученый, его Игорь звали, он вопросами физики неоднородности времени занимался, жил. И вот Игорь открыл странную дверь. Открыл – не в смысле "изобрел". Открыл – не в смысле "нашёл", как открывают насекомых на Суматре. А открыл, в смысле "отпер". И странной дверь была не потому, что откроешь её, а на тебя десяток граблей вываливается и ещё облезлый плащ и чучело муравьеда дедушкино. Не потому.

Хотя, как сказать...

На втором этаже эта дверь была. На даче. Дверь была со стеклом, а из стекла всегда был свет. А за стеклом – лето. С детства так было. Как не глянешь – всегда лето. И яркое такое. За дверью был балкон, а с него была лестница вниз с коричневыми потертыми перилами. Вбок уходила. И там ещё второго столбика не было. А в пятом был сучок. Ну да не суть.

Закрота была дверь. А когда Игорь спрашивал взрослых про неё – те только качали головой, уводили за руку. Даже как-то незнакомый дядька в белом халате приходил. Про дверь расспрашивал. Потом, конечно, другие дела. И всё забылось.

Но когда на стену Игорь глядел, он видел дверь. И лето. И, что самое удивительное – за дверью всегда лето было. Даже зимой. Даже осенью. Когда угодно.

Всегда лето.

Короче, он спустя много лет попал на эту дачу снова. Смотрит – стена. Просто стена. Нет нихрена балкона. И сада нет. Ну, Игорь и занялся этим феноменом. Была же дверь. Не мог же доктор приходиться, чтоб осмотреть и от фантазий пиллюли выписать?

Выяснилось, что если сесть на корточки, то дверь всё-таки чуть-чуть видна. Потом стал отпирать её. Ну, технологии продвинулись с тех времен. Открыл. А за дверью мощнейшее поле. Игорь не решился туда лезть. Стал дистанционно замерять свойства сада. И непонятное там. Если по-нашему, по-простому, то, например, камень туда, швырнешь – он распадается на песок. Кинуть творог – разливается молоком. Кинуть йогурт – разваливается на зеленую жижу, краситель и газообразную отдушку. Это он, Игорь, по цифрам видел. Но нам-то на примерах проще. Если пощупать можно. Короче, дверь открывала гигантские возможности. Для хранения продукции, для ремонта конструкций. Да для медицины той же. Но это всё проверять надо.

Ну, Игорь и полез. Привязал к себе веревку, синтетическую (синтетику временной парадокс не брал) и пошёл в сад.

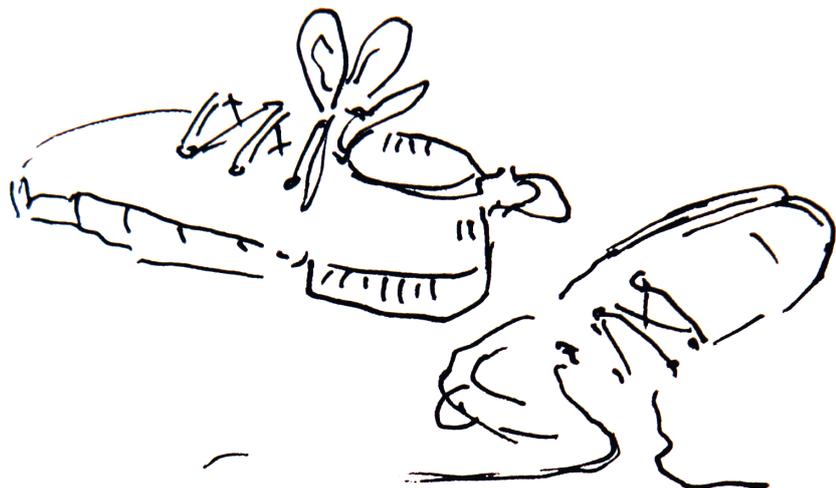
Верёвку вытащили потом. К ней была прикреплена записка. Сначала шли сложные расчеты, потом был текст про то, что холодает и математика дается сложнее, но предположения подтверждаются. Потом про то, что предположения все чушь и его, Игоря, никто не понимает и вообще. Потом была приписка с просьбой разрешить погулять за забором. Потом были каракули какие-то.

Те, кто доставал записку, они, говорят, плач слышали. Метрах в трехстах. Детский. Ну да почудилось, наверное. Так решили.

Дверь закрыли от греха. Со временем деревянная дверная коробка стала деревом и пошла расти назад. Видимо, прикрыли не до конца.

Так и растут на той даче доисторические хвощи и папоротники прямо на стене второго этажа. Ну да гастарбайтерам, которым дачу сдают, то без разницы. Лишь бы инертными газами от большого взрыва не сквозило.

Вот так-то!

Однажды такой случай был с известным в узких кругах литературным писателем, жаждущим популярности. Ночью ему в дверь позвонили. Он к глазку — а там нет никого. И опять звонят. Открывает — а там трое с серьезными выключенными лицами: мужик, баба и начальник. Начальник сразу к столу подошёл, сел. А баба с мужиком стали собирать вещи известного в узких кругах литературного писателя.

Он им:

— Что это вы делаете?

А они ему:

— Вы же ждали, когда к вам придет известность?

А он:

— Ну да.

А они:

— Ну, собственно, вот. Пришла.

А сами носки укладывают, майки. Ботинки. Шнурки запасные.

А начальник пепельницу достал из кожаного чемодана и тазик с водой и стал бумаги с текстами литературного писателя сжигать, а часть — в тазик класть.

А писатель такой:

— Что это вы делаете?

А он ему:

— Проверяю рукописи на рукописи. Правильная рукопись должна не гореть в огне и по воде не плавать.

И литературный писатель смотрит, а буквы остаются в воздухе висеть, когда бумага догорает. А начальник пылесосом их из воздуха в специальные пакеты запылесосивает.

Хороши рукописи.

А баба с мужиком майки собирают.

Собрали, значит, вещи. Ручку забрали. Ноут опечатали. И к выходу пошли.

А литературный писатель, такой:

— Стойте, куда вы все вещи-то унесли? Как мне теперь вирши в одних носках писать?

А они ему:

— А ничего писать не надо, новое пишет тот, у кого старое плохое. Тебя не за новое, а вот за это, — и пакетом трясут, — любят. Можешь новое писать, но лучше не надо. С этих самых пор ты боле себе не принадлежишь. Только народу, только вечности. Вот тебе список, ходи туда и всем желающим читай понемногу из этого пакета.

И пакет от пылесоса дают.

Смотрит известный в узких кругах литературный писатель в список, а там залы-стадионы-залы-снова стадионы-стадионы-стадионы. Тридцать страниц. А последние двадцать страниц - столовая одна, на окраине. "Крошка поварёшка" или что-то такое.

И он, такой:

- Это чо, "Крошка поварёшка" к тому времени так разовьется, что стадионы вмещать станет?

А они:

- Ну... почти... ты, главное, пакет медленнее расходуй.

А сами глаза в пол и к выходу идут. И молчат...

Однажды к слесарю Федору ночью постучались масоны. Сперва, конечно, Федор не понял, что это они, но он же к двери когда подходит - спрашивает "кто там", а то опять коллеги по литейному с бабами из Биби-рево придут, так потом всю ночь это, а завтра ж ответственный день - сдача болванки.

- Кто там? - спрашивает Федор.

- Это мы, масоны! А ну-ка, отпирай дверь сейчас же тут же! - нарочито грубым голосом сказали из-за двери.

"Ну всё", - думает Федор, - "приплыли".

- Белочка, это ты?

За дверью пошуршали, а потом грубо ответили:

- Нет её, Отпирай!

Призадумался слесарь Федор. И чем больше думал, тем больше ему это не нравилось. Мировая закулиса не каждый день в пятиэтажке стучится. Значит надо им что-то. А оно ж как - или в масонство заберут, или смерть люгую думали или надо чего. Про "надо чо" Федор сразу мысль отмёл - они тогда б к Семену из литейного цеха стукнулись. В масоны Федору тоже не хотелось - ему слесарем нравилось быть. Оставалась вообще нерадужная перспектива.

- Открывать будешь? Мы ждём!

- Одну секунду!

Стал Федор звонить другу своему, генетику Николаю из прошлой истории. Так, мол, и так - приключилось такое, что делать? А Николай и отвечает:

- Открывай, не пугайся. Бабы там.

- Как так?

- А вот так. Раньше они назывались амазонки, но язык менялся и амазонки стали а-масонками. Что бабы миром правят, это каждый знает. Не веришь - у моей жены спроси. Тот же Бильдербергский клуб, например, ну сам подумай - вот был бы это клуб для мужиков, как бы он назывался? Точно не как бренд купальников. Или, вот, ВТО, думаешь, расшифровывается как Всемирная Торговая Организация? Нифига! "Власть. Титьки. Орегано."

- Ну про власть и титьки я понимаю. Но орегано?

- Они его в борщ тайно добавляют, когда обженить хотят. Почувствовал орегано в борще - всё, беги!

"Да чо я бежать-то буду, орегано так орегано", - подумал Федор и пошел к двери. По дороге надел пинджак, плеснул шипра и громко крикнул:

- Бабы! Я открываю!

Открывает, а на лестничной клетке никого. Только запах борща. С орегано.

Убежали все.

А потому что тайное общество любит тайну. Нельзя было орать, что догадался, что там бабы.

Загадки тогда нет.

Интриги нет.

Один раз такой случай был. Чот приуныл один чувак. Тогда бдымкнуло сильно, и явился ему странный дядька с патлами, бородой и беретом разноцветным.

И говорит странный дядька с патлами, бородой и беретом разноцветным:

- Не кисни.

А чувак такой:

- Чойта?

А дядька в берете:

- Так это, ты же знаешь, что все мы - йогурт?

Чувак:

- Чойта?

А дядька с бородой:

- Точно тебе говорю, бро. Вся вселенная, если отлететь подальше и поглядеть - просто стаканчик йогурта, который летом забыли на столе.

Чувак:

- Чойта?

А дядька с патлами:

- Я те говорю. Йогурт. А мы - как бактерии. Можем киснуть, можем - нет. Но если будем киснуть - йогурт скиснет. И его выкинут.

Чувак:

- Чойта?

А странный дядька:

- А кому прокисший йогурт нужен? Выкинут, не съедят.

Чувак:

- Чойта?

А дядька с патлами, бородой и беретом цветным:

- Заклинило что ли? Не съедят. Для нас оно как - не съедят эти, сожрут потом те. Просто если не киснуть, то можно дождаться и, попав в пищеварение к этим, стать частью их. А можно - частью тех. Но вроде как лучше этих, а? Не кисни, бро!

Чувак:

- Чойта?

А странный дядька с патлами, беретом и бородой разноцветной:

- Тыфу на тебя, задолбал.

И ушёл.

Так и не рассказал о сути вещей и почему именно йогурт.

Один Серёга на мусоровозе работал. С детства на помойку бегал смотреть, как контейнеры переворачивают, вот жизнь и повернулась.

Раз приходит домой, а жена ему:

- Не раздевайся, в театр идём.

А он:

- Да ты ошалела? Где я, а где театр? У меня, вон, летом шапка шерстяная, свитер с коричневыми рукавами и запах, как будто капустного кота на меня вылили.

А она:

- Идём, идём, в большом театре дают арт-перфоманс "Гнильё и лопата", и там бал-маскарад будет. А тебе и наряжаться не надо. Билеты подруга Ирка дала.

Ирка по социальной части распределялась, поэтому подкидывала билеты хоть в зоопарк, хоть в оперу, хоть в пионерлагерь.

Смотрит Серёга - жена платье в горох надела, губы дерзко намазала. Бусы, опять же. Видать, не шутит.

Ну, пошли.

Приходят в театр, а площадь вся семками заплёвана, фонтан проститом страдает, и аттракцион стоит - садись в мусорный контейнер, а тебя поднимают и в кузов выкидывают, так в театре и оказываешься.

Заходят внутрь, а там весь высший свет, звезды, министры, пресса, и все там в шапках шерстяных летом, с рукавами коричневыми и пахнут как будто капустного кота отдали, но с ноткой ванили и иланг-иланга. А дамы все в бусах и в горохах. И все пытаются говорить как работяги, но что-то не то. Даже лангусты не смущают - сейчас что только ни выкидывают. Просто контейнеры - из пластика. Мусор - из шелка с пропиткой. Свет не настоящий. Как-то балерин дворниками переодели не так. Оркестр скрип ручки мусорного бака играет - не старается. А управляет оркестром седой носатый дирижер во фраке. У него была шерстяная шапочка и такая осень в глазах, что ой. Фальшиво как-то.

А потом самый главный из высшего света сказал:

- Господа, что есть деньги? Это мусор, господа!

И по заднему плану едут экскаваторы с ковшами, заполненными самоцветными камнями, а с люстры посыпались резаные денежные купюры.

И рестораторы стали выносить закуски в стилизованных под мусорные баки крошечных судках, украшенных кристаллами. И все на подносах, на канализационные люки похожих.

Когда шампанское стали открывать, Сергей домой пошёл. Ну а что тут делать? Говорить с ними не о чем, а завтра смена. На работе цирка хватает, чтобы ещё это недоделанное шипито смотреть.

Один раз такой случай. Шёл пионер по тротуару. Видит — старуха стоит.

Он ей:

— Перевести вас через дорогу, бабушка?

Пионеры всегда через дорогу бабушек переводят.

А старуха, такая, пионеру:

— А переведи, милоч!

И голос такой, с реверберацией и звоном, будто летучими мышами за шиворот насрала с многоэтажки.

Переводит пионер старуху, смотрит — а старуха-то не просто в капюшоне-балахоне, так ещё и с косой. Не в смысле прически, а в смысле садового инструмента.

Смекнул тогда пионер, что это он смерть через дорогу ведёт.

И говорит ему смерть:

— Ну всё... готовься, сейчас капец тебе будет.

А пионер и отвечает смерти:

— Смерть завсегда приходит. А ты разве ко мне пришла? Ты пришла дорогу перейти.

Подумала смерть — и правда, нестыковочка. Хитёр пионер.

— Ладно, — говорит, — я тогда сейчас уйду, а потом приду.

А пионер ей:

— Никуда не уйдешь. Я за тобой ходить стану, тогда ты ко мне никогда не придёшь.

Так и ходили вместе. Смерть-то по началу пыталась сбежать и вернуться, но то тапочек потеряет и выходит, что не за пионером, а за тапочки пришла. То косу потеряет, а пионер ей найдет. То ещё чего.

Так и ходили вместе.

Смерть пионеру горн подарила. По дружбе

Он в него трубил иногда для пушего драматизму.

А ещё говорят, горнист нашел барабанщика, запевалу и хулигана с укулеле.

Так джаз-бандой и ходят.

Книга снега – про холод и непонятное.

Книга воды – про весну, мужиков и баб.

Книга пара. Про лето и работу всякую.

Книга льда. Про урожай и запасы на зиму.

УВИДИМСЯ ОСЕНЬЮ!

<http://moskinov.ru>

<https://www.facebook.com/cybervantuz>

<https://vk.com/cybervantuz>